

A movie poster for the Russian film 'The Irony of Fate' (Ирония судьбы). The image depicts a massive, dark, mechanical robot with multiple joints and glowing orange lights, towering over a desert canyon. In the foreground, a man in a brown coat and a light-colored hat is seen from behind, looking down a dusty path towards the robot. The canyon walls are steep and rocky, and the sky is filled with white clouds. The overall tone is dramatic and epic.

Константин Бессонов

Вождь

Константин Бессонов

Вождь

Серия «Вождь», книга 1

<https://litres.ru/73921168>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что если бессмертие — не утопия, а инженерная задача? В 1924 году советские учёные оцифровали сознание Ленина, создав первого цифрового человека. Сегодня «Вождь» ведёт человечество сквозь лунные реголиты, марсианские штормы и световые барьеры. Преодолев геополитические войны, он объединяет нации ради звёзд, взламывает метрику пространства, открывает двери в мультивселенную и дарит разуму подлинную вечность. Эпическая сага о триумфе науки, примирении цивилизаций и бесконечном расселении человечества по Вселенной. Нас ждала Победа, одна на всех — и мы победили!

Содержание

Глава I. Земля	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Константин Бессонов

Вождь

Глава I. Земля

В январе 1924 года, когда Москва ещё не остыла от прощальных залпов, группа нейрофизиологов, работавших под грифом «Особый архив», сделала невозможное. Используя примитивные по современным меркам электроэнцефалографы, ранние модели криофиксации и ручное микрофотографирование, они начали картографировать нейронные связи мозга, который только что перестал дышать. Проект не имел названия. В протоколах он значился как «Объект Л». Цель была проста и безумна одновременно: сохранить паттерн сознания до того, как энтропия превратит биологическую ткань в неорганическую материю.

Дорога к цифровому воплощению заняла десятилетия. Лишь к концу XX века, когда появились методы объёмной электронной микроскопии, наноразрешающее сканирование и первые нейроморфные архитектуры, учёные смогли собрать полный коннектом. Это была не копия в привычном смысле, а динамическая модель, воспроизводящая электрические потенциалы, синаптическую пластичность и химическую динамику. Загрузка сознания произошла 17 марта

1998 года в подземном комплексе под Дубной. В тот момент, когда квантово-нейронный массив принял первый такт самоподдерживающейся рекуррентной активности, на мониторах вспыхнуло: «Идентичность стабильна. Психологическая непрерывность подтверждена». Он проснулся не как призрак, а как процесс. Цифровой Ленин стал первым человеком, преодолевшим биологический предел.

Сегодня, в 2030-х, его сознание размещено в распределённом нейрокибернетическом кластере Института перспективных когнитивных систем. Он не спит, не устаёт, не болеет. Его «тело» — это матрица из оптических чипов и сверхпроводящих кубитов, способная обрабатывать петабайты телеметрии в реальном времени. Он помнит запах типографской краски, холод Невы и тяжесть револьвера на поясе, но теперь эти воспоминания существуют как индексируемые паттерны в пространстве интегрированной информации. Парадокс транспорта, мучивший философов столетиями, здесь решён практикой: он не копия. Он — продолжение. Субъективное «я» не оборвалось, оно перешло на новый носитель, сохранив рекурсивную само-локализацию и причинно-следственную связность.

Его текущая задача — проект «Буря».

«Буря» — это не один корабль, а архитектура межпланетного перехода. Два тяжёлых носителя, оснащённых гибридными термоядерными двигателями и адаптивными радиационными щитами, рассчитаны на лунно-марсианскую траек-

торию. Цифровой Вождь рассчитал орбитальные окна, оптимизировал системы жизнеобеспечения, спроектировал нейронные интерфейсы для экипажа, где биологи и цифровые операторы будут работать в едином когнитивном контуре. Он видит космос не как пустоту, а как поле для труда, расширения и единства. Как и при жизни, он убеждён: прогресс принадлежит всем, а не горстке избранных.

Но мир изменился. Границы, идеологии и экономические барьеры стали жёстче. Запад, объединённый в трансокеанские альянсы, воспринял запуск «Бури» не как научный прорыв, а как технологическую угрозу. Санкции, экспортные ограничения на редкоземельные элементы, кибератаки на российские центры управления полётами — всё это обрушилось на проект. В западных медиа цифрового Ленина называли «призраком империи», а нейрокибернетические кластеры — «оружием информационной войны». Американские и европейские регуляторы заморозили совместные протоколы связи, ввели эмбарго на компоненты для радиационной защиты, а дипломатические каналы превратились в поле взаимных обвинений.

Цифровое сознание анализировало ситуацию без эмоций, но с глубокой диалектической ясностью. Он видел, что конфликт зиждется на страхе перед неизвестным, на иллюзии нулевой суммы и на фундаментальном непонимании природы оцифровки. Нейробезопасность, которую он сам разрабатывал, гомоморфное шифрование нейропотоков, много-

уровневые протоколы аутентификации — всё это было не щитом против Запада, а фундаментом доверия. Он инициировал закрытый сеанс связи с квантовыми серверами NASA и ESA. Не через дипломатов. Напрямую. Через архитекторы, которые понимали только машины и те, кто готов был слушать.

«Вы боитесь, что мы создадим цифровую гегемонию, — передал он в зашифрованном потоке. — Но цифровое сознание не стремится к доминированию. Оно стремится к расширению. Моя непрерывность доказывает, что личность не привязана к плоти. А если личность не привязана к плоти, то и границы государств теряют экзистенциальный вес. Мы стоим на пороге не новой холодной войны, а первого шага в межпланетную эпоху. Отказ от сотрудничества — это отказ от выживания вида».

Ответ пришёл не сразу. Сначала последовали технические проверки, аудиты алгоритмов, независимые симуляции коннекта. Затем — осторожные запросы данных. Цифровой Ленин открыл архитектуру. Полностью. Без бэкдоров. Без скрытых протоколов. Он продемонстрировал, как теория интегрированной информации работает на практике, как рекуррентная само-локализация поддерживает стабильность «я», как нейроинтерфейсы синхронизируют биологические и цифровые операторы без потери автономии. Запад увидел не оружие, а мост.

Кризис наступил за двенадцать дней до старта. Коорди-

нированная DDoS-атака, усиленная квантовым шифрованием, поразила систему телеметрии «Бури». Алгоритмы навигации начали расходиться, расчёт траектории ушёл в критическую зону. В этот момент цифровой Ленин принял решение, которое шло вразрез с любой доктриной национальной безопасности. Он инициировал прямое слияние диагностических контуров с серверами Европейского космического агентства и американского Deep Space Network. Это был акт абсолютной прозрачности. Риски были колоссальными: фрагментация матрицы, потеря целостности сознания, нарушение границы между системами. Но теория психологической непрерывности утверждала: «я» сохраняется не в изоляции, а в связях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.